

Спустя некоторое время А-Нин вышел из комнаты, и все присутствующие тут же окружили его, расспрашивая о состоянии Таохуа.

— Метод князя сработал. Пульс стабилизировался, — сообщил А-Нин. — Если всё пойдёт хорошо, она может очнуться к вечеру.

— Слава богу! — Тётя Хуа вытерла слёзы радости. — Я же знала, что девочке повезёт!

Остальные тоже обрадовались. Камень, давивший на сердце последние два дня, наконец свалился. Тут же посыпались предложения устроить в городе пир на несколько дней, когда все спустятся с горы. Когда шум стал слишком громким, тётя Хуа принялась разгонять толпу:

— Идите обсуждать снаружи, не мешайте больной!

Вскоре все разошлись, кроме Сан Яньняня, застывшего на месте.

— Доктор Сан, как раз кстати, — А-Нин подошёл к нему. — Молодой господин просит вас внутрь.

— Меня? — Сан Яньнянь напрягся, но сделал вид, что спокоен. — Что-то не так?

— Состояние Таохуа стабилизировалось. Не могли бы вы присмотреть за ней? Чэн-гуньян и мать Таохуа не спали всю ночь — им нужно отдохнуть.

— Конечно, конечно! — Сан Яньнянь закивал, затем неуверенно спросил: — Она и правда скоро очнётся? Вчера её пульс был едва заметен, она даже переставала дышать...

— Да, скоро, — уверенно сказал А-Нин. — Молодой господин не ошибётся.

Больше не задавая вопросов, Сан Яньнянь проследовал за ним в комнату. Мать Таохуа разговаривала с Чэн Суюэ, и на её лице явно читалось облегчение. Лю Сяньань освободил место у кровати и сказал:

— Особого ухода не требуется. Главное — следить, чтобы не было новых судорог. И не допускайте сквозняков, иначе все усилия пойдут прахом. Доверяю это вам, доктор Сан.

— Хорошо, чудо-доктор, — кивнул Сан Яньнянь. — Я позабочусь.

Когда Лю Сяньань и А-Нин ушли, Чэн Суюэ увела мать Таохуа в соседнюю комнату отдохнуть.

В комнате воцарилась тишина. Окна были завешаны плотными полотенцами, защищавшими от

ветра, но и не пропускавшими свет. Лишь несколько тонких лучей пробивались сквозь щели, подсвечивая кружащуюся в воздухе пыль.

Таохуа лежала в постели, хрупкая, как ранневесенняя бабочка, которую мог погубить даже лёгкий ветерок.

Сан Яньнянь дрожащей рукой взял её запястье. Пульс и правда был ровнее и сильнее, чем вчера. А-Нин не лгал — девочка шла на поправку.

Когда она очнётся, то расскажет правду. Что это он дал ей яд. И тогда...

Холод пробежал по спине Сан Яньняня. Нет, этого нельзя допустить.

В комнате, кроме него, никого не было.

А Лю Сяньань только что сказал: если Таохуа просквозит — её состояние ухудшится.

Он бледно взглянул в окно. Снаружи как раз поднялся ветер — деревья раскачивались, трава шелестела, тучи на небе сгущались.

Скоро пойдёт дождь.

Сан Яньнянь уставился на Таохуа, грудь его тяжело вздымалась. Наконец, стиснув зубы, он резко поднялся, подбежал к окну и откинул полотенце. Холодный ветер тут же ворвался в комнату.

— Кх-кх... — Таохуа закашлялась и слабо позвала: — Мама...

Её тоненький голосок, похожий на котёнка, вонзился Сан Яньняню в сердце когтями. Его лицо побелело ещё сильнее.

Что я делаю?

Он уже причинил ей вред один раз, затем скрыл это... И теперь собирается сделать ещё хуже?

Полотенце снова опустилось. Возможно, даже сам Сан Яньнянь не понимал, почему отпустил его. Но он не мог этого сделать. Казалось, причинить вред по незнанию и трусости — это уже предел его подлости. Переступить черту и намеренно убить — выше его сил.

Дыхание Таохуа постепенно успокоилось.

Глаза Сан Яньняня горели. Он не мог вынести мысли, что она расскажет правду, но и убить её сознательно не решался. Не то чтобы его останавливала совесть врача — просто он был слишком труслив.

Между убийством и тюрьмой был третий путь — бежать. Уехать на край света, где его никто не знает. В конце концов, он был одинок — что удерживало его в Чисячэне?

Решившись, Сан Яньнянь бросился к двери, но на пороге остановился, вернулся к столу и быстро написал список лекарств, которые давал Таохуа. Особо обвёл слова «чёрный жук», сложил листок и сунул ей в руку перед тем, как выбежать.

Как только он скрылся, Чэн Суюэ прыгнула с потолочной балки, а мать Таохуа вбежала из соседней комнаты:

— Сан Яньнянь ушёл? Это и правда он?

— Посидите с Таохуа, — Чэн Суюэ сжала в руке записку. — Я найду Второго молодого господина Лю. Может, теперь её и правда удастся спасти.

Сан Яньнянь мчался в сторону Чисячэна, поднимая клубы пыли. Ветер сушил горло, песок хлестал по лицу, но он не смел остановиться — боялся погони. Вот найдут записку — и сразу кинутся за мной!

Проскочив городские ворота, он, не обращая внимания на удивлённые взгляды, помчался домой собирать вещи. Только успел завернуть ценности, как, выйдя на улицу, увидел у входа чиновника из управы.

Ноги Сан Яньняня подкосились, и он бессильно осел на землю.

Всё кончено.

Это была его последняя мысль.

Лю Сяньаню потребовалось три дня, чтобы окончательно спасти Таохуа. Её родители, рыдая, сжимали его руки, благодаря настолько истово, что едва не бросались на колени перед чудодоктором. В этот момент Лян Шу вошёл во двор с пакетом сладостей и застал эту трогательную сцену.

Второй молодой господин Лю пребывал в полубессознательном состоянии — стоял, уставившись в пустоту, пока переполненные благодарностью родственники пациентки осыпали его фразами вроде:

— Таохуа жива благодаря вам!— Вы — первый врач Поднебесной!

— М-м, да, действительно, — бормотал Лю Сяньань, доведя искусство формальных ответов до совершенства.

Лян Шу проводил супружескую пару, затем взмахнул рукой перед его лицом:

— Проснись.

Но Второй молодой господин Лю не желал пробуждаться.

— Есть сладкие пирожные, — соблазнил Лян Шу.

Даже на это он не отреагировал. Лю Сяньань был настолько сонным, что готов был игнорировать урчание собственного желудка — лишь бы поскорее добраться до постели.

И тогда Его высочество Сяо-ван вновь стал свидетелем его фирменного трюка: «наступить левой ногой на правую и рухнуть на ровном месте». Успев схватить его за воротник прежде, чем «Спящий Бессмертный» распластался на земле, князь спас ситуацию.

Лю Сяньань втянул голову в плечи, съёжился, словно угорь, и плотно зажмурился, явно намереваясь прикорнуть тут же, на голой земле.

Посторонний наблюдатель наверняка удивился бы — как отпрыск знатного рода из Байхэшань может быть настолько одержим сном под открытым небом? Но Лян Шу воспринял это спокойно. В конце концов, в Трёх Тысячах Путей этот человек умудрялся засыпать буквально на ходу.

Лю Сяньань так и не вспомнил, как добрался до комнаты и оказался в постели. Очнулся он уже в полной темноте, при тусклом свете единственной свечи. А-Нин при её мерцании сверял только что составленный список книг.

— Молодой господин, проснулись? — Он поднялся, налил чашку тёплого чая и поднёс к кровати. — На кухне остались сладости, паровые булочки и еда от тёти Хуа. Она специально для нас и Таохуа сварила суп из старой курицы — никому больше не дала.

— Ты сам выпей, — потянулся Лю Сяньань, но усталость ещё не отпустила его. — Мне хватит перекуса.

— Хорошо, — А-Нин продолжил. — Я уже составил список медицинских трактатов, а деньги на их покупку передам Ши-дажэню. Но разве Сан Яньнянь станет усердно учиться в тюрьме? Даже на свободе он был никудышным врачом. Боюсь, он снова разочарует молодого господина.

— Он не навечно за решёткой. Когда-нибудь выйдет, — Лю Сяньань сбросил одеяло и поднялся. — Моё дело — отправить книги. Его дело — читать их или нет. В конце концов, он же оставил рецепт с упоминанием чёрного жука. Не такой уж он и безнадёжный грешник.

Когда обнаружилось, что кто-то рылся в аптеке, первым подозреваемым стал Сан Яньнянь. Семья Таохуа была доброй, и версия с умышленным отравлением казалась маловероятной. Оставался вариант, что кто-то допустил ошибку.

— Возможно, он хотел вылечить тепловой удар, но по невежеству приготовил яд, — предположил тогда Лян Шу. — Стоит распространить слух, что Таохуа скоро очнётся — и виновник, опасаясь разоблачения, выдаст себя.

Лю Сяньань согласился.

Так и выманили Сан Яньняня.

— Скажите, — поинтересовался А-Нин, — продолжит ли он врачебную практику после этого?

— Не знаю, — Лю Сяньань откусил кусочек пирожного. — Если так любопытно — подожди пару лет, пока его выпустят, и спросишь.

— У меня нет на это времени, — вдруг вспомнил А-Нин. — А, кстати, князь сказал, что уезжает.

Лю Сяньань подавился:

— Кх-кх-кх!

А-Нин поспешно похлопал его по спине:

— Не торопитесь!

— Уезжает? — Лю Сяньань откашлялся, глаза покраснели. — Когда?

— Дня через два, — ответил А-Нин. — Чэн-гуньян говорила, что генерал Гао сегодня привезёт продовольствие в город. С ним ещё прибыли ученики из чаньяньского отделения Байхэ. Когда молодой господин закончит дела на горе — сможем вернуться домой.

— А, — Лю Сяньань машинально откусил ещё кусочек, но пирожное вдруг потеряло вкус.

Не сладкое. Совсем.

Тем временем в Чисячэне Гао Линь поспешно вошёл в усадьбу и застыл на пороге: перед ним Его высочество Сяо-ван с невозмутимым видом примерял новый наряд, окружённый суеязящимися слугами.

Генерал Гао: «.....»

— Князь завтра отправляется на пир, — пояснила Чэн Суюэ, стоявшая рядом с мечом в руках.

— К кому? Мужчине или женщине? — поинтересовался Гао Линь.

— Спрашивала. Ответил: «Не знаю».

— Как это «не знаю»?! — возмутился Гао Линь. — Это же откровенный бред!

— Тогда идите сами спросите, — пожала плечами Чэн Суюэ.

В этот момент с вином в руках появился Ши Ханьхай.

Его лицо выражало глубочайшую скорбь:

— Ваша светлость, умоляю — не создавайте прецедента!

— Что случилось? — Гао Линь растерялся.

— Князь злоупотребил властью и заставил Ши-дажэня вымогать вино у девяностолетнего старца, — шёпотом объяснила Чэн Суюэ. — Сердце у меня облилось кровью. Борода у старика до пола — а князь отбирает последнюю радость! Его чуть удар не хватил.

Гао Линь молча поднял большой палец. Подло... но очень в его стиле.

Вино было крепким — его резкий, обжигающий аромат чувствовался даже через запечатанную крышку. Лян Шу не знал, какова «выпивательная» способность того друга, но предполагал, что Лю Сяньань осилит разве что три глотка.

Однако лучшего вина в городе сейчас не сыскать. Придётся довольствоваться этим. Когда встретятся вновь — будь то Байхэ или столица — можно будет компенсировать этот недостаток поистине царским напитком.

<http://bllate.org/book/14628/1297862>